

Из каторжников – в премьеры!

Нет ничего лучше персональной ответственности! И мы решили взвалить эту ответственность на того, кто... захотел, чтобы мы ее взвалили.

На профессора Иркутского госуниверситета и одного из старейшин нашего журналистского цеха Виталия Зоркина, который вызвался вести рубрику исторических очерков. Виталий Иннокентьевич давно известен как зоркий исследователь истории региона и страны, как зоркий и удачливый охотник за всем интересным, что происходило в культурной, социальной и экономической жизни. И, конечно же, во власти. Первый его очерк как раз о человеке, достигшем властных вершин.

«На звездное небо и человеческие лица нельзя наглядеться. Смотришь - все уже видано-перевидано, а незнакомо, известно, а ново. Лицо - это цветок на стебле, который зовется человеком. С тех пор, как я помню себя, человеческие лица для меня - самая яркая и притягательная часть окружающего мира ...»

Трудно сказать, почему вдруг эта фраза югославского писателя, лауреата Нобелевской премии Иво Андрича вдруг всплыла в моей памяти именно тогда, когда я пришел в московскую квартиру на улицу Чайковского, чтобы познакомиться с Петром Михайловичем Никифоровым, легендарным человеком - бывшим каторжником Александровского централа, а затем премьер-министром. Правда, премьер-министром так называемой ДВР - буферного государства Дальневосточная Республика, созданного по инициативе Ленина в 1920 г.

Перед приходом к Петру Михайловичу я был в гостях у старой большевички Марии Михайловны Сахьяновой, и она с гордостью рассказала мне, что была первой буряткой, увидевшей Ленина. С Сахьяновой мы беседовали долго. Она мне рассказывала о тревожных днях Иркутска в декабре 1917 года, о том, как на четвертый день осады Белого дома юнкерами они вместе с Ольгой Иогансон под видом сестер Красного Креста сумели пробраться сквозь кольцо осады и доставить осажденным патроны, продукты и медикаменты.

Я тогда собирал материал об уроженце Забайкалья, соратнике Блюхера и Постышева, одном из участников разработки плана Волочаевской операции, а впоследствии Генеральном консуле СССР Борисе Николаевиче Мельникове. Сахьянова отправила меня к Никифорову, сказав, что он хорошо знал Мельникова по событиям в Приморье. Более того, она сообщила, что Никифоров сидел вместе с ним во Владивостокской тюрьме, где они сумели издать два рукописных номера журнала под названием «Из плена». Я и пошел к Никифорову – в надежде увидеть эти журналы.

И когда высокий пожилой человек открыл мне дверь и протянул обе руки (Сахьянова ему уже позвонила), первое, что я увидел: из-под густых седоватых бровей смотрели на меня удивительно пронзительные молодые глаза. Потом мы заговорили о Мельникове. Я рассказал, что написал документальную повесть о нем, которую опубликовал в районной газете на родине Бориса Николаевича, разыскал его жену и боевых соратников по Гражданской войне Щапова и Кликунова. Участник двух революций оживился, вспоминая былые годы, и о себе стал рассказывать тоже.

- Я родился в селе Оек. А первые мои воспоминания связаны с Якутским трактом, по которому постоянно проходили партии ссыльных. Мы, ребяташки, узнав, что к селу приближаются арестанты, стайкой выбегали им навстречу, неся в узелках угощения, туески с молоком или квасом. Семья была большая и жила в нужде...

Петра Никифорова отец вскоре отвез в город Иркутск, где тот работал по 12 часов в день на лесозаводе. Однажды, утомленный, заснул на рабочем месте, а тут, как назло, авария и пожар. Пришлось искать новое место, стал ночным сторожем и истопником. А в год, когда вся прогрессивная Россия отмечала столетие со дня рождения Пушкина, Петя Никифоров вместо изучения в школе стихов и сказок поэта мерил бесконечные сибирские версты – участвовал в экспедиции по прокладке второго телеграфного провода от Киренска до Витима.

Я видел у Никифорова фотографию тех лет – из тайги он вернулся окрепший, возмужавший. И опять работа,

работа. А скоро товарищи пригласили его на занятия политкружка.

В книге «Муравьи революции» Петр Михайлович вспоминает: «Это было в 1901 году. Недели через две мы опять собрались. Руководитель кружка говорил о Союзе борьбы за освобождение рабочего класса, о его отличии от группы «Освобождение труда». Здесь я впервые услышал о Ленине, Плеханове, о социал-демократической газете «Искра».

- Я помню, – рассказывал Петр Михайлович, – на одном из занятий мы читали письмо Союза борьбы за освобождение рабочего класса, адресованное путиловским рабочим. Верить - не верить, прошло семьдесят лет с той поры, а я как сейчас помню!

Вытащив из письменного стола толстую тетрадь, он подержал ее в руках некоторое время, как будто взвешивая, и неожиданно спросил:

- Небось, не догадываешься, что это такое? Это мои тюремные университеты.

На титульном листе я прочел: «1912-1917 гг. Тетрадь учебных занятий по философии и математике в Александровском каторжном центральном». Мелкий, почти бисерный, но четкий почерк. Знакомые фамилии: Жан-Жак Руссо, Беркли, Декарт, Спиноза, Фейербах. Записи по политэкономии, истории рабочего движения, вопросы о расслоении крестьянства, о судьбах капитализма в России...

Словно угадав мои мысли, Петр Михайлович заметил лукаво:

- Знаю-знаю. Думаешь, зачем в тюрьме эта премудрость? А зачем приговоренный к смертной казни Котовский гимнастикой занимался? Я об этом от Маяковского узнал уже после Октября и подивился, но сам-то недалеко от него был, мне ведь тоже смертная казнь полагалась... Так вот, мил друг, овладевая классической философией, я как бы поднимался на высокую гору. Не скажу, что сразу во всем разобрался. Это все равно что на Эверест карабкаться! Вот скажи-ка мне, сколько Маркс использовал работ при написании «Капитала»? То-то же. Не каждый ученый это знает. А мы в тюрьме высчитали, что лишь в первом томе Маркс ссылается на 800 источников: книг, брошюр, журнальных и газетных статей, официальных и других публикаций.

Но в тюрьме не только учились. Политзаключенные, оторванные от практической работы, стремились как-то выразить свои переживания и настроения, и многие из них брались за перо. Вот что писал Петр Михайлович Никифоров, член коммунистической партии с 1904 года: «Был у нас в 14-й камере свой летописец Третьяков Сергей... Изю дня в день вписывал он в свои объемистые тетради все события, происходившие как в нашей камере, так и в жизни всего Александровского централа».

Как жалею теперь, что во время нашей встречи с Никифоровым в 1971 году я не расспросил его подробнее о судьбе товарищей по камере! А ведь где-то в семейных или иных архивах пылятся поденные записи Сергея Третьякова, летописца Александровского централа. Сколько интересного, познавательного может быть в этих записях!

Зато Петр Михайлович рассказал мне о своем политическом образовании и о первой стачке, которую он организовал вместе с кочегаром М.Бруем на водочном заводе, находившемся в Знаменском предместье, и которая закончилась победой бастующих, о многом другом... Город жил, и жизнь его не замирала ни на минуту! С одной стороны, на углах улиц вереницей выстраивались извозчики на черных лакированных пролетках, фонарщики вечером заправляли уличные фонари, а разодетые граждане отправлялись в зал общественного собрания или в театр, где модницы спорили о последних парижских моделях. С другой стороны, шло активное революционное сопротивление: нелегальные собрания и встречи, слезка и аресты.

Краеведы уже установили местонахождение подпольной типографии, которая тайно работала на революцию. Нашли усадьбу в Маратовском предместье, на бывшей Большой Пономаревской улице, где хранился склад орудий Иркутской боевой дружины РСДРП. И может быть, именно здесь хранилось оружие, которое добывал Никифоров, будучи боевиком Иркутской военной организации.

Но в 1904-м Никифорова призвали в армию, и не куда-нибудь, а в Петербург, где довелось ему служить на императорской яхте «Полярная звезда»! И сейчас я ругаю себя за то, что не заинтересовался его впечатлениями от работы рядом с царской семьей – тогда мне не это казалось главным, хотя такая информация могла добавить красок к портрету нашего героя. Дальше все развивалось стремительно. В годы столыпинской реакции он уже вел революционную работу в Крымском подполье, в Керчи – под разными псевдонимами и фамилиями, в августе 1910 года был арестован, посажен в камеру-одиночку Иркутского

тюремного замка. Скоро ему вручили обвинительный акт, в котором указывалось, что он предается военному суду по статье № 279, влекущей за собой смертную казнь.

- Было состояние не то растерянности, не то какой-то пустоты, но страха не было, — говорил он мне. — Наверное, я бы так и на смерть пошел — без страха. Хотелось походить на какого-то литературного героя. Кажется, на Овода!

Немало мнительных и тревожных часов провел в раздумье Петр Никифоров, пока не узнал, что смертная казнь заменена длительным сроком каторги. А после Февральской революции он вышел на свободу и очень быстро стал заместителем председателя Владивостокского совета, членом Дальневосточного краевого бюро РСДРП (б). А потом — два года — сидит в белогвардейских тюрьмах.

"Следует по-мужски принимать на себя груз, который взваливает на нас Сегодня, и терпеливо переносить любые его капризы и жестокости, однако мысленно мы должны быть обращены к пространствам, где нас ожидает Завтра. От него следует ожидать всего, на него возлагать надежды и твердо верить, что оно будет лучше..." Петр Михайлович и не пытался объяснить себе, почему именно эта фраза, вычитанная бог весть где и когда, вдруг вспомнилась в этот памятный день 3 марта 1917 года. Может быть, потому, что сегодня он еще был в тюрьме, а завтра его ожидала свобода. Да, от завтра он ожидал всего... И вот оно наступило, это завтра: "Я мчался в поезде на восток по берегу Байкала. Глядел в окно на его крутые волны и думал: смотришь, старый, куда это я так бешено мчусь: далеко, старик, далеко, на борьбу за власть советов!" Так заканчивалась книга "Муравьи революции", и так начиналась новая страница биографии Петра Михайловича, о которой мне хочется немного рассказать. Но вначале несколько слов об обстановке на Дальнем Востоке. «Я приехал из Иркутска в последних числах апреля /старого стиля/ и поступил электромонтером во Временные мастерские и одновременно выполнял обязанности одного из редакторов и сотрудников газеты "Красное знамя". Таким образом, на мою долю выпало редактирование первой на Дальнем Востоке большевистской газеты.

Первого мая 1917 года вышел первый номер...» Первомай надолго запомнился Никифорову.

... В первомайской демонстрации во Владивостоке вместе с П. Никифоровым, А.Нейбутом, К. Сухановым приняло участие более 40 тысяч человек. Эта была первая легальная демонстрация в жизни Петра Никифорова. Был солнечный, ясный день. Народ ликовал. Демонстранты пели революционные песни, играл духовой оркестр, развевались красные знамена с пролетарскими лозунгами. В театре "Золотой рог" с докладом о задачах революции перед собравшимися выступил Володарский. Он владел исключительным даром речи. Доклад закончился бурной овацией. А 29 августа 1917 года во Владивостоке состоялось заседание исполкома городского Совета, которое постановило взять на себя всю полноту власти. Вместо эсера Михайлова председателем исполкома избран большевик А.П. Алютин, а его заместителями К.А. Суханов и П.М. Никифоров. Никифоров возглавил областной Совет рабочего контроля, а его вчерашний союзник по четырнадцатой камере Леонид Иванович Проминский был назначен председателем комиссии по борьбе с бандитизмом. 26 апреля 1918 г. был учрежден революционный штаб, которым руководил П. Никифоров. Историк А.Д. Самойлов считает Петра Михайловича видным организатором Красной гвардии и Красной армии на Дальнем Востоке.

Но это был только один аспект его деятельности. Был и другой. Внутренняя и иностранная контрреволюция пыталась голодом задушить Приморье. Иностранные пароходы перестали заходить во Владивостокский порт. Сельскохозяйственные продукты из Маньчжурии стали вывозить через Порт-Артур. Лишь японские суда заходили в наши порты. Эта своеобразная блокада вызвала простой и безработицу почти шести тысяч грузчиков порта. Сократились работы в мастерских порта. Резко поднялись цены на хлеб. В мае 1918 г. в Мурманский порт на севере России вошел американский крейсер "Олимпия", а в августе во Владивостоке высадился американский военный десант. Интервенция была объявлена "актом доброй воли". Ее организаторы заявили, что они пришли в Россию, чтобы, "наведя там порядок, спасти страну от анархии и разрушения". В действительности цели были совсем не миротворческие. Экспедиционные силы США и

других западных держав должны были превратить обширную территорию России в заповедное поле для обогащения. В исторических архивах сохранился любопытный документ - географическая карта. Надпись на ней была такова: «предполагаемые границы России». На ней были нанесены границы, разделявшие страну на большие области, каждая из которых была бы экономически обособленной, но не была бы достаточно сильной для образования самостоятельного государства. Сохранились документы, свидетельствующие о том, как интервенты наводили "спокойствие и порядок" в оккупированных районах. Американец Ральф Альбертсон в книге "Военные действия без войны" писал: "Мы применяли против большевиков химические снаряды. Уходя из деревень, мы

устанавливали там все подрывные ловушки, которые только могли придумать. Один раз мы расстреляли более 30 пленных...»

А вот свидетельство генерала Уильяма Грэвса, возглавлявшего в 1918-20 гг. американские экспедиционные силы в Сибири: «Жестокости были такого рода, что они, несомненно, будут вспоминаться и пересказываться среди русского народа через 50 лет после их свершения, - признавался Грэвс впоследствии. - Уничтожались крестьянские хозяйства и посевы. Были разграблены Владивостокский торговый порт и Дальневосточное морское пароходство. Национальные богатства страны - уголь, золото, свинец, пушнину - вывозили в трюмах американских транспортов». Но ведь, кроме американцев, были еще японцы. В разгар интервенции по советскому Приморью было разбросано 72 тысячи японских солдат - в три с лишним раза больше, чем оккупантов из США, Англии, Франции и других стран, вместе взятых. В такой обстановке пришлось работать П.М. Никифорову в Приморье.

В такой обстановке 18 февраля 1920 года ЦК РКП/б/ и Советское правительство приняли решение временно воздержаться от советизации Дальнего Востока и на территории от Байкала до Тихого океана образовать буферную Дальневосточную Республику, ДВР. Одновременно было дано указание о прекращении наступления Красной армии за Байкалом.

Дальбюро, руководимое П.М. Никифоровым, проявило невероятную гибкость – а нельзя было по-другому. И 4 января 1921 года Никифоров встретился с В.И. Лениным. На пленуме ЦК стоял вопрос о Дальневосточной Республике. К этому времени Никифоров стал председателем Совета Министров этой республики. Он был одним из тех, кто отвечал за всю ту политику, которая проводилась в последние годы на Дальнем Востоке. Создавая «буфер», ему приходилось вести борьбу как с антибуферщиками, так и с теми, кто пытался превратить «буфер» в самостоятельное буржуазно-демократическое государство. Пётр Никифоров шел на пленум ЦК как на самый ответственный экзамен в своей жизни.

- Я собирался сделать большой доклад, - вспоминал Никифоров, - хотел обо всем сказать Ильичу. И подготовил тезисы доклада. Судя по ним, мне не меньше полчаса надо было. А Ленин мне всего десять минут дал. Я даже несколько растерялся. Думаю, что же я за десять минут скажу? Собрался с мыслями и сказал, почему в нынешней обстановке надо обязательно сохранить "буфер". Это в интересах Советской России. После этого Ленин стал мне задавать вопросы и все самое главное из меня этими вопросами выпросил.

Перед отъездом на Дальний Восток Никифоров снова встретился с Лениным.

«Главное, - сказал Владимир Ильич, - не допустить войны с Японией. Имейте в виду:

мы не можем дать вам солдат, денег тоже для вас нет, хлеба нет, поэтому обходитесь своими средствами. Вам придется действовать не столько оружием, сколько головой».

Так Никифоров и поступил. Два года пробыл Пётр Михайлович председателем Совета Министров ДВР. После присоединения Дальнего Востока к РСФСР он был отозван в Москву. Ему поручили заведовать хранилищем государственных ценностей. Затем он был нашим полпредом в Монголии, работал в органах торговли, был заместителем наркома снабжения РСФСР. В годы Отечественной войны служил в разведке. О жизни П.М. Никифорова рассказывают экспозиции музеев Москвы, Ленинграда, Кронштадта, Севастополя, Владивостока и школьный музей села Хомутово. В экспозиции Хомутовского музея более 300 экспонатов, повествующих об интересной и яркой судьбе нашего земляка.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Доставляем журнал "Иркутские кулуары" нашим читателям. Стоимость доставки 100 рублей. Телефон службы доставки: 8-964-1257227.

Весь номер журнала в формате PDF: <https://rubabr.com/kuluar/9.pdf>

Автор: Артур Скальский © Babr24.com ОБЩЕСТВО, ИРКУТСК 👁 6219 02.02.2009, 13:03 📄 420
URL: <https://babr24.com/?ADE=50441> Bytes: 17003 / 16872 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["ИРКУТСКИЕ КУЛУАРЫ"](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](#)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)